

В первую очередь, молодое поколение имеет свободу выбора, с кем строить семью. Памирские киргизы жили почти изолированно от остального мира. Ванские киргизы выезжают в другие города на учебу и работу, самоутверждаются, взаимодействуют с местным населением. Поэтому взаимовлияние тут неизбежно. Кроме того, телевидение и Интернет наряду с семейным и школьным воспитанием играет немаловажную роль в формировании мировоззрения молодежи. Социальные сети (facebook, twitter) расширяют круг общения и упрощают его. Все это дает возможность молодым создавать семьи «по любви».

Немаловажный фактор изменения традиции, продиктованный экономическими причинами, — это «стандартизация» размера калыма (1000 американских долларов). Новым в традиции является и перенятый турецкий обычай прикреплять деньги (конвертитруемые купюры) булавочкой на ленту или одежду жениха, который теперь является неотъемлемой частью свадьбы ванских киргизов.

В заключение отметим, что данная работа является лишь началом в исследовании своеобразной и богатой культуры ванских киргизов, перешедших 30 лет назад к оседлому образу жизни, процесс культурной и физической адаптации которых до сих пор продолжается.

Литература

Кайыпов 2009 — *Кайыпов Сулайман*. Фольклор Үзерине Язылар. Бишкек, 2009.

Сокращения

ПМА — полевые материалы автора.

Summary. *This article acquaints with the history of Van Kirgiz ethnic group, with general information about the village of Ulupamir where they live today. The author describes the basic steps for creating Van Kirgiz family. The relevance of the study is in description of the wedding rites present situation because the integration of the community and Turkish society is taking place, and this process also affects the traditional social structure.*

Key words: *Van Kirgiz, Ulupamir, kalym (dowry), pata (an engagement ceremony), toi (wedding).*

УДК 398
ББК 82.3(2)

Т. В. СОБОЛЕВА
(Москва)

СЕМЕЙНО-БРАЧНАЯ ТЕМАТИКА В СОСТАВЕ МАСЛЕНИЧНОГО ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА (по материалам фольклорных экспедиций в Калужскую область)

Аннотация. *Статья посвящена семейно-брачной тематике в традиционной Масленице Калужского края. Масленичные обряды, связанные с молодоженами, рассматриваются как заключительный этап свадьбы. Анализируются семантика и функции элементов свадебного обряда в рамках масленичного комплекса, и выявляется их роль в формировании песенного репертуара Масленицы.*

Ключевые слова: *Масленица, свадебный обряд, отводы, обрядовый репертуар.*

Русская Масленица представляет собой обрядовый комплекс (**макрообряд**), сформировавшийся на основе нескольких ритуальных практик¹, каждая из которых привнесла в него определенные темы, реализуемые вербальными и невербальными способами. Входя в состав Масленицы на правах ее отдельных элементов, **микрообряды**, с одной стороны, подчинялись семантике, структуре и прагматике макрообряда (образно говоря, «заряжались» ими, приобретая новые смыслы и структурные конфигурации), а с другой — сами влияли на его планы содержания и выражения.

¹ Вторичная ритуализация (воспроизведение обряда или его отдельных фрагментов в иных ритуальных контекстах [Толстая 1985]) в значительной мере определила специфику Масленицы, которую нельзя свести к какой-то одной теме и функции. На это указывали многие исследователи: так, В. К. Соколова выделяла в Масленице пять основных компонентов — проводы, катания с гор и на лошадях, обычаи, связанные с молодоженами, блины и поминовение умерших [Соколова 1975, 48].

Масленица относится к типу обрядов перехода²: ее содержание и структура определяются двумя семами — ‘завершение/конец/проводы’ и ‘начало/встреча’, причем первая явно доминирует, поскольку вторая переадресуется следующему за Масленицей обряду встречи весны. Они многократно воплощаются в разных кодах праздника: темпоральном (конец зимы / начало весны), акциональном (переход от веселья и игр к чтению молитв и пению духовных стихов, от одного вида работ к другому — от прядения к ткачеству), кулинарном (отказ от скоромной пищи в пользу постной) и др. Эти семы определяют характер развития в рамках праздника трех основных тем — аграрной, похоронно-поминальной и семейно-брачной. Последней и посвящена настоящая статья.

В статье анализируются материалы за период 1963—2013 гг.: экспедиций кафедр фольклора филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, научного центра народной музыки им. К. В. Квитки МГК им. П. И. Чайковского, а также личных экспедиций автора в разные районы Калужской обл. Они отражают состояние масленичной традиции региона во второй половине XX — начале XXI вв. Несмотря на большое количество записей, извлеченных из архивов, невозможно считать воссоздаваемую ими картину калужской Масленицы исчерпывающей, и это связано с разными установками и интересами собирателей, зачастую работавших без специальной программы опроса. Недостающую информацию мы попытались восполнить, обратившись к изданиям по масленичной и свадебной обрядности Калужского края конца XIX—XX вв.³

Существует мнение, что в древности Масленица была праздником молодоженов⁴. В большинстве российских ре-

гионов основной сезон свадеб, как известно, приходился на осенний период до Филипповского поста и на мясоед, следующий за Святками. Масленица являлась логическим продолжением этой цепочки: на Святки устраивались молодежные игрища, на которых формировались брачные пары, в мясоед игрались свадьбы, а на масленичной неделе подводились итоги брачного годового цикла: молодые супруги получали общественное признание, а не вступившие в брак подвергались осуждению. Поведение молодежи, вступившей в брак по достижении брачного возраста, оценивалось как правильное, отвечающее установленному порядку и способствующее благополучию общины. Не случайно только семейные люди рассматривались обществом в качестве его полноценных взрослых членов. По мнению В. К. Соколовой и О. А. Пашиной, чествование новобрачных на Масленицу изначально выполняло продуцирующую функцию: «Молодые, недавно поженившиеся пары, по древним воззрениям, должны были магически способствовать плодородию и одновременно сами, участвуя в обряде, получали как бы новые силы, укрепляли семью, обеспечивали потомство» [Соколова 1975, 63]; «...обязательность вступления в брак достигших половой зрелости в период зимнего мясоеда, по всей вероятности, объясняется существующими в народной культуре представлениями о взаимосвязи плодovitости скота и людей с плодородием земли. Брачные отношения несли в себе продуцирующую функцию, должны были способствовать пробуждению земли и росту культурных растений, обеспечить будущий урожай» [Пашина 1998, 230]. Напротив, угрожающим плодородию считалось поведение парней и девушек, достигших половой зрелости, но не вступивших в брак: «...нарушение установленного порядка вещей и невыполнение соответствующей программы поведения <...> не позволяло миру войти в очередной цикл жизни, задерживало природу и социум в состоянии хаоса и неравновесия» [Агапкина 1996, 214].

Масленичные обряды, посвященные молодоженам, были важной составляющей послесвадебного периода, и их смысл состоял в том, чтобы молодые

² Подробно о rites de passage см. в [Геннеп 1999].

³ [Бачинская 2007, Добровольский 1898, Добровольский 1902, Добровольский 1902а, Добровольский 1903, Круглов 1977, Ляметри 1855, ФКГ 1997, Шейн 1900, Шереметева 1928, Шереметева 1936] и др.

⁴ «Есть предположение, что Масленица в отдаленной древности была праздником, специально устраиваемым только для молодых супругов» [Максимов 1994, 296].

получили социальное одобрение и признание свершившихся перемен [Байбурин 1993, 88]. «С *читверга* начинали гулять <...> У каго маладые — приезжают на начь маладые дочки там, зятья, с пятницы начинают гулять и субботу, субботу на ночь уезжают себе уже *взамужем* (здесь и далее выделено нами. — Т. С.). Тут *напрашаюца с родными, наедут туда прошаца*» (Зап. в д. Выползово, Кировский р-н, Калужская обл.⁵ 2005 г.) [НЦНМ. Т. 1987. С. 23, 6]. Масленица оказывалась в некотором роде завершающим этапом свадьбы⁶, что способствовало актуализации семейно-брачной тематики в части масленичных ритуалов: чествование молодых, их катания на лошадях, испытания и выкупы, изготовление посвященной молодым куклы/кукол, корение неженатой молодежи, гостевания у родителей невесты; а также в фольклорном репертуаре: «*На масленую в гости ездили. Катали с горки молодых и пели свадебные песни*»⁷ (Зап. в д. Рубеженка, Куйбышевский р-н. 1987 г.) [АКФ. Т. 26. № 184]. Свадебные песни могли исполняться целиком или частично, становясь композиционным фрагментом календарной обрядовой песни, ср.: «*В Масленицу на горке катаются, если где снег есть, сугробы. Пели:*

*Государыня Масленица,
Потянись до Велика дня.
Государь родный батюшка,*

⁵ Далее везде в паспортных данных название области опускается, так как все записи сделаны в Калужской обл.

⁶ «...к заключительным обрядам свадьбы относится и ритуальное посещение молодоженами родителей и близких родственников невесты на масленичной неделе» [Токмакова 2001, 7–8].

⁷ Включение свадебных песен в масленичный репертуар характерно и для территорий, граничащих с Калужской обл. К примеру, на Смоленщине на Масленицу исполнялись свадебные песни «Через речушку дуб-рябина, / Дуб-рябина, душа, дуб-рябина. / Через быстрюю зеленая, / Там кладочка тисывая. / А там Ванька перяходить, / Свою Маньку перяводить...» [СМЭС 2003, 713], «Ай, бочки с медами всё качаются, / Ай люлюшки, люли, всё качаются. / И купцы, и бояре сыезжаются, / Ай люлюшки, люли, сыезжаются...» [СМЭС 2003, 732], «На горке ворын(ы) крутилсе, / Крутилсе, лёли, крутилсе. / Иван свасей жаной хвалилсе» [СМЭС 2003, 733].

Не отдавай меня нынче замуж:

У меня даров нетути,

У мене не нарядены.

Хоть нарядены, да не вытканы,

Хоть не вытканы, да не шитые.

И снова повторяют»

(Зап. в д. Проходы, Куйбышевский р-н. 1979 г.) [АКФ. Т. 7. № 92].

Изменение обрядового контекста со свадебного на календарный приводило к структурным и содержательным изменениям текста. Так, свадебная песня «Запилась моя головушка»⁸ при исполнении на Масленицу могла интерпретироваться в соответствии с масленичными обычаями хождения в гости и умеренности в пище и питье: «*Тут уже дураку ясна. Вот што ана на пьянку делала. Маслиница была, вот. А то абъездила всю эту дирвеню, на лошади катамши, да пела эту песнюю, да пьяная была “галовушка” ета. Вот и раньши так была. Как сядут на лошадь, бывала, да и катаюца. Полныи сани! А мы, рибитишки, ды к (й)им на сани, а аны с песнями*» (Зап. в с. Букань, Людиновский р-н, 2003 г.) [НЦНМ. Т. 4439. С. 49–51].

Чествование молодых

В течение года после свадьбы молодые были объектом пристального внимания со стороны социума: «В течение нормативного, принятого в данной традиции срока статус молодых, их поведение и отношение к ним общинного коллектива отличались рядом особенностей. Характерными общерусскими чертами этого были их эротическое содержание и **прилюдное, общественное выделение молодых**, где бы они ни находились (дома, на празднике, на гулянье)» [Бернштам 1988, 63]; «Весь первый год новобрачные имеют особый статус “молодых”: им разрешается посещать беседы, принимать участие в хороводах и других развлечениях молодежи. Причем повсеместно отмечается, что в собраниях молодежи **новобрачным отводились почетные места**. Вместе с

⁸ С. Сабурово Мещовского уезда: «А зять приглашает всех за стол на гуляние. Сели за стол, пошли у них трапеза, гуляние, вины и закуски разные. Вылезают вон из-за стола; бабы песню поют: Прапилась галовушка!..» [Добровольский 1902, 211–212].

тем они допускаются и во “взрослые” собрания, их величают по имени и отчеству» [Байбурин 1993, 87].

Окончательное обретение молодоженами статуса «взрослых» приходилось на масленичные гуляния, во время которых их внешний вид и поведение были объектами внимания односельчан: «*Стоят все на горке молодые, скамеечку делали, наряются — красота!*» (Зап. в с. Троицкое, Куйбышевский р-н. 1986 г.) [АКФ. Т. 8. № 13]. Подобный выход на суд общины был обязательным и надолго определял репутацию молодых супругов.

В составе Масленицы ритуал чествования молодых был представлен преимущественно акциональной формой. На вербальном уровне в ряде локальных традиций отсутствие соответствующих календарных песен и мотивов компенсировалось исполнением свадебных величальных песен.

Посещение молодыми родителей невесты

В традиционной свадьбе Калужской обл. визиты молодоженов к родителям невесты — «отводы» — были приурочены ко второму или третьему дню свадьбы. Теща угощала молодого зятя блинами, а тот в ответ благодарил ее за «честную» жену или корил за «нечестную»: «Жених с подженишником ехали к теще, лошади и сани уряжены еще алей! Ну как входил жених, так перед тещей сразу на колени: “Спасибо тебе, теща, за темную ночку, за твою честную дочку”. И три раза кланялся в ноги. А если она была нечестная, то он этого не высказывал теще <...>. Садись за стол тещь, теща и жених с подженишником, чтобы угощаться. И вот, говорят, теще жених тогда, если нечестная, давал деревянную ложку с прожженной дыркой и блин тоже с дыркой: “На ж тебе, теща, за твою дочку”» [Кулагина, Иванов 2000, 85].

А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон относят отводы к похоронно-поминальной обрядностью: «Молодые отправляются к родителям жены вместе, обряд <...> завершает всю свадьбу <...> Невеста появляется в новом статусе, она приходит в гости, так же, как покойник — вернее душа — после похорон» [Байбу-

рин, Левинтон 1990, 82]. Угощение зятя блинами на второй день свадьбы, таким образом, имело значение, близкое к первоначальной семантике блинов как поминального блюда: это были «“поминки” по утраченному девичеству, по ушедшей добрачной жизни» [Гура 2012, 355].

Гошение зятя у тещи и праздничное застолье с блинами представлены и в масленичной обрядности: «*Свадьба пройдет. Живет-живет, надходит время масленой. Па гостям едут маладые. Вот на лошадях. На маслену. Вот эта, гулянки тут происходят, и у свахи*» (Зап. в д. Милеево, Хвастовичский р-н. 2008 г.) [НЦНМ. Т. 2050, 8]; «*Запрягали лошадей, наряжали их бубенцами, сядились и ехали в гости в другую деревню. Там их уже ждут. Мясa наварят, блины напекут*» (Зап. в д. Холмы, Куйбышевский р-н. 1977 г.) [АКФ. Т. 21. № 1]. Такие визиты назывались «отводь» (Зап. в д. Дретово, в. д. Белый Камень, Ульяновский р-н, Калужская обл. 2009 г.) [НЦНМ], «*тещин праздник*» (Зап. в с. Кузьминичи. 2009 г.) [АКФ 1977. Т. 12. № 417], «*тещины посиделки*» (Зап. в д. Папаево, Юхновский р-н. 1988 г.) [АКФ. Т. 7. № 11], «*тещины блины*» (Зап. в с. Жерелёво, Куйбышевский р-н. 2006 г.) [АКФ. Т. 1. № 36].

Как и на свадьбе, они были способом объединения семьи, утверждения нового состава и статуса ее членов и перераспределения общей доли через совместную обрядовую трапезу [Байбурин 1993, 122]. О значимости этих ритуальных практик в составе Масленицы свидетельствует и факт закрепления за ними определенного обрядового времени — ими завершалась череда масленичных гуляний: «*В четверг вечером женатые и замужние первый год топили баню и мылись, а затем ехали в гости к родным*» (Зап. в д. Дедовы Петровичи, Куйбышевский р-н. 1979 г.) [АКФ. Т. 2. № 400—401]; «*Ну, масленая самая три дня: “С четверга загуляла кочерга”. Идут молодые в гости там к матке. В гости идут, гуляют. А в воскресенье отходят домой*» (Зап. в с. Троицкое, Куйбышевский р-н. 1986 г., зима) [АКФ. Т. 5. № 61]. В качестве обязательных примет масленичной недели гостевания фигурируют и в обрядовых песнях, ср.:

*Ой, свет моя Масленица!
Пропилася и прохарчилася,
В среду не прядывали,
В четверг не завертывали,
А в пятницу так не прядут,
Во субботу — родители,
В воскресенье к обедне пошла <...>*
(Зап. в с. Малютино, Кулужский р-н.
1963 г.) [АКФ. Т. 1. № 58].

В фольклорном репертуаре Масленицы мотив взаимоотношений тещи и зятя реализовался в шуточной форме в паремиях: «*Зять на парох, а тёщица за яйца*» (Зап. от В. Е. Карпизенковой, 1932 г. р., пос. Беглица, Куйбышевский р-н. Соб. Т. В. Соболева. 2013 г.) [ЛАС]; «*В какой-то день приходили зятя к теще в гости на блины, говорят. Ну, а теща, как правило, уже к этому моменту приготовила яичек. И вот я помню, смешно так было. Один заходит зять, а теща и говорит, встречает: “Ну, зять на блины, а теща за яйца”. Он испугался и удрал. Яичницу надо было жарить им. Вот эта поговорка, кстати, так она и пошла, и сейчас ее используют даже*» (Зап. от В. И. Блиновой, 1930 г. р., с. Жерелёво, Куйбышевский р-н. Соб. Т. В. Соболева. 2013 г.) [ЛАС]; и формулах масленичных обрядовых песен⁹: «*“О, масленая, у кулёчку, / У кулёчку, люли, у кулёчку. / Теща звала зятя на блиночки, / На блиночки, люли, на блиночки”. Дальше странная, не буду петь*» (Зап. в д. Бестань, Куйбышевский р-н. 1987 г.) [АКФ. Т. 22. № 30]; «*Ой, масленая, по кулёчку, / Била теща зятя по х...чку*» (Зап. в д. Проходы, Куйбышевский р-н. 1977) [АКФ. Т. 13. № 54]. С наибольшей очевидностью эта установка

⁹ Песенный репертуар Масленицы на большей части территории Калужской обл. представляет собой систему, состоящую из нескольких взаимодействующих уровней: его ядерная часть — собственно обрядовые масленичные песни, генетически связанные с масленичным ритуалом, содержательно, поэтически и функционально обусловленные им и по времени исполнения не выходящие за его рамки; «периферийная» (околоядерная) часть — рекурсивно втянутые в ритуал необрядовые лирические песни, которые содержательно и эмоционально соответствуют масленичным ключевым образам и темам и определяются исполнителями как «масленые».

представлена в песне «Теща про зятя пирог пекла»:

*Что ж вы, ребяташки, не женитесь,
На кого ж надеетесь?
Вздумала Парашка замуж выходить.
Теща про зятя пирог испекла: (2)
Соль да мука на четыре рубля, (2)
Сахару, изюму на восемь рублей, (2)
Стал пирожок за двенадцать рублей. (2)
Вздумали, възгадали, семеро не съели,
Зятюшка сел, за присестом съел. (2)
Теща по горенке погуливала,
Тихонечко зятюшку побранивала:
— Что ж тебе, зятюшка,
не розорвало? (2)
— Что ж тебе, теща, язык-то
не отсох? (2)
Приходи-ка, теща, на Масленицу.
Я тебе, теща, употчеваю:
Четыре дубинки березовые, (2)
Пятый кнут подзаказываю,
Шестая лозина по боку возила.
От кута до кута четыре кнута,
От двери до двери тещу за косу вели.
Бежала, бежала, насилу ушла.
Прибежала теща к своему двору,
Ударилась теща середь двора:
— Глядите, ребята, не идет ли мой
зять.*

*Зять у ворот на похмелье зовёт:
— Пойдем-ка, теща, похмелимся,
После мы, теща, помиримся.*
(Зап. в с. Корекозево, Калужский р-н.
1964 г.) [АКФ. Т. 8. № 1].

Ритуальное посещение молодыми родителей невесты могло становиться фактором, влияющим на приурочение к Масленице песен о молодой жене, стремящейся побывать в родительском доме [Юдин 1989].

*Да синелось море,
Да крошились березы,
Э-о, лели, э-о, лели,
Да по з этих березок
Да шла мала в гости,
Да шла мала в гости,
Да к матери на повуку.
— Да скажи, скажи, мамушка,
Да чем свекру мне звати?
— Да зови, зови, доченька,
Да зови свекру матьеру.
Да синелось море,
Да крошились березы,
Да по этим березкам,
Да шла мала в гости,
Да шла мала в гости,
Да к бате на повуку.*

— Да скажи, батюшка,
 Да чем свекра мне звати?
 — Да зови, зови, доченька,
 Да зови свекра батюю.
 (Зап. в д. Лужницы, Куйбышевский
 р-н. 1987 г.) [АКФ. Т. 2. № 76].

В качестве мотивировки для приурочения песни к Масленице выступала строка «*И шла молода в гости*», пропев которую одна из информанток добавила: «*Тогда ж на маслену всё ходили в гости*» (Зап. в д. Вороненка, Куйбышевский р-н. 1984 г., зима) [АКФ. Т. 8. № 237].

Встреча молодки со своей семьей на Масленицу становилась поводом для размышлений о тяжелой жизни в доме мужа, о тоске по родным, что повлияло на выбор тематики песен, исполняемых на масленичной неделе («*Там огни горят, не стухают, свекор-батюшка сноху выкликает*» (Зап. в д. Младенск, Жиздринский р-н. 1975 г.) [АКФ. Т. 3. № 1; Т. 8. № 1]; «*Да нашему деревцу да бог места не дал*» (Зап. в с. Косичино, Людиновский р-н. 1972 г.) [АКФ. Т. 31. № 164], «*Давно я у батюшки была*» (Зап. в д. Кувшиново, Юхновский р-н. 1973 г.) [АКФ. Т. 22. № 205] и др.).

В приуроченной лирической песне «*Пойду, выйду я на горку*» молодая обращается к брату с просьбой навестить ее. Песня определяется информантками как «*масленая*»/«*масленская*» и исполняется только в рамках масленичного обряда, она прочно вошла в масленичный репертуар и стала распеваться на обрядовый напев, благодаря чему оказалась возможной ее контаминация с собственно обрядовыми песнями, ср.:

*Э, масленая, я на горку,
 Ой, я на горку, люли, я на горку,
 Гляну я, гляну под зорьку,
 Ой, я под зорьку, люли, я под зорьку,
 Свистну, крикну соловейку,
 Ой, соловейку, люли, соловейку.
 — Соловюшка, ты мой братец,
 Ой, ты мой братец, люли, ты мой
 братец,
 Чего ж ты ко мне в гости не летаешь,
 Ой, не летаешь, люли, не летаешь?
 — Перепелушка, ты моя сестрица,
 Ты сестрица, люли, ты сестрица,
 А я прилетю, ты заплачешь,
 Ой, ты заплачешь, люли, ты заплачешь,
 А я улечю, ты зарыдаешь,*

*Ой, ты зарыдаешь, люли, зарыдаешь.
 А масленая — полизуха,
 Ой, полизуха, люли, полизуха,
 Полизала ты сыр да масло,
 Ой, сыр да масло, люли, сыр да масло,
 Напоследочку курьи яйца,
 Курьи яйца, люли, курьи яйца <...> и т. д.
 (Зап. в пос. Бетлица, Куйбышевский
 р-н. 1987 г., зима) [АКФ. Т. 4. № 8].*

Изготовление обрядовой куклы

К общим для свадьбы и Масленицы ритуалам может быть отнесено также изготовление обрядовой куклы. Свидетельства об этом ритуале на второй день свадьбы в Калужской обл. единичны — например, изготавливали куклу, символизирующую молодых: «*А на утро идут будить молодых. Цыганями наряжаются. <...> Сымали рубашку, набивали соломой, по деревне носили*» (Зап. в д. Гуличи, Куйбышевский р-н. 1985 г., зима) [АКФ. Т. 3. № 82]. О. С. Токмакова, анализируя свадебные и масленичные обряды Курской обл., сопоставляет изготовление куклы на свадьбу и на Масленицу как «*знак места пребывания молодых*» [Токмакова 2001, 7].

В. К. Соколова отмечает, что «происхождение обрядовых домашних масленичных кукол связано с обрядом свадьбы, молодоженами» [Соколова 1979, 36—37]. Масленичная обрядовая кукла в ряде районов Калужской обл. устанавливалась на крыше дома родителей невесты и посвящалась молодым: «*На Масленицу приезжает зять к теще. Она ставит в первый день чучело на крышу. Кто из чего сделает, ватник наденут на палку или чего. Можно и из соломы. Катаются. После снимают чучело, но не сжигают*» (Зап. в д. Бронцы, Ферзиковский р-н. 1978 г.) [АКФ. Т. 2. № 32]. Делали и парные чучела: «*В деревне справляли Масленицу. В понедельник наряжали сноп соломы и ставили на крышу. Обычно два — один мужской, один — женский. И ставили на крышу. Эти два снопа держались за руки. Стоял сноп до воскресенья в обед, в воскресенье сноп снимали, сажали на сани и возили по деревне, подвозили к домам. Кто попом служит, кто дьяком воеет, кто плачет, кто песни поет. Давали гостинцы; если*

нет, то наказывали» (Зап. в д. Бронцы, Ферзиковский р-н. 1978 г.) [АКФ. Т. 1. № 99]¹⁰.

В контексте семейно-брачной тематики образ Масленицы, воплощенный в обрядовой кукле, сопоставим с образом молодухи. Чучело Масленицы наряжали как молодую женщину, подчеркивая ее фертильные признаки, и именовали *молодашкой*: «Ее (куклу. — Т. С.) изготовляют, главным образом, в тех домах, где есть “молодашка” — вышедшая замуж в настоящем году. “Посажу себя на показ”, — говорит молодка, устраивая куклу; наряжают ее и в тех избах, где есть взрослые девицы. В Гамаюнщине эту куклу одевают в “красный наряд”: в изотканную рубаху, шерстяную шубку, отрезной шелковый платок, чехры и поднизку, бусы — “жерелья распустят”. В д. Цвеленово Калужского р-на ее наряжают в головной убор — мохры, сделанные из соломы. “Жерёлок полна шея. Сиськи сделают толстыми, чтобы глядеть получше на нее было”. В дер. Тинино Калужского р-на обшитой холстом голове куклы закладывают косы изо льна, чтобы она была похожа на молодку, “с прямым рядком”» [Шереметева 1936, 106—107].

В текстах собственно обрядовых песен Масленица обычно предстает как молодая разгульная женщина: «*Ох, Масленая молодая, / Ох, все горки прокатала, / Ох, все санки поломала, / Ох, ребят там ноги покривляла...*» (Зап. в с. Вербежичи, Людиновский р-н. 1972 г.) [АКФ. Т. 30. № 48]. Под стать ей героини плясовых песен, приуроченных к Масленице («Ванина жена — своеволка», «Девки-молодки, полно горе горевати», «На горушке ива, под горою диво» и др.). Не случайно собственно обрядовые и приуроченные песни регулярно контактируются, при этом два сходных образа могут слиться в один, ср.:

<...> *А масленая, полизуха,
Ох, полизуха, люли, полизуха,
Полизала ена сыры яйца,
Ох, сыры яйца, люли, сыры яйца,
Сыры яйца, каравайцы,
Ох, каравайцы, люли, каравайцы.*

¹⁰ О бытовании обычая изготовления двух чучел из снопов («Масленицы» и «Масленика») еще в XIX в. см.: [Шереметева 1936, 106—107].

*А Ванина ж женка — своеволка,
Ой, своеволка, люли, своеволка,
Привязала ж Ваню к коровати,
Ох, к коровати, люли, к коровати,
А сама пошла ж (о)на гуляти,
Ох, (о)на гуляти, люли, (о)на
гуляти <...>*

(Зап. в д. Лужницы, Куйбышевский р-н. 1985 г., зима) [АКФ. Т. 5. № 127].

*Э, масленая, ты кургузка,
Э-о, ты кургузка, люли, ты кургузка.
Не дождам тебе — тошно, грустко,
Э-о, тошно, грустко, люли, тошно,
грустко.*

*Э, масленая полизуха,
Э-о, полизуха, люли, полизуха,
Полизала она сыры, яйца,
Э-о, сыры, яйца, люли, сыры, яйца.
Привязала мужа к коровати,
Э-о, к коровати, люли, к коровати,
А сама пошла на гуляти,
Э-ох, на гуляти, люли, на гуляти.
(Зап. в д. Дубровка, Куйбышевский р-н. 1985 г., зима) [АКФ. Т. 5. № 36].*

Образ молодой женщины в плясовых песнях контрастирует с образом молодой из лирических протяжных песен. Их параллельное существование в рамках одного праздника не просто возможно, но предписано традицией, поскольку понятие переходного ритуала (а Масленица относится к таковым) предполагает синтез смерти и жизни, плача и смеха: «*Все поют, а какая-то женщина плачет, потому что Масленица проходит — грустно*» (Зап. в д. Лазинки, Куйбышевский р-н. 1986 г., зима) [АКФ. Т. 9. № 149].

Испытания молодых

Среди масленичных обрядов, сходных с ритуалами второго дня свадьбы, можно выделить и различные испытания молодых: «*Возили молодых, орехи сыпали, барану таскали. Все в снегу, друг друга возят, валяются, молодых валяют. Им деньги кидали, мелочь. В хате рассыпали мелочь. Молодая подметает эту мелочь*» (Зап. в г. Сухиничи. 2009 г.) [НЦНМ. Т. 2058. 10]. Ср. с описанием второго дня свадьбы: «*Посуду били, деньги утыкали в потолок, невесту заставляли подметать, доставать, чтоб повеселее было. Невеста деньги подме-*

тет, а они снова раскидывали. А еще горшок с маком разбивали, по хате гоняли, чтоб грязно было. Ты попробуй помой!» [Кулагина, Иванов 2000, 85].

Как и в свадебном обряде, ряд масленичных ритуальных практик, посвященных молодоженам, предусматривал выплату ими выкупа: «У нас был мост, вот коло Тани Шукиной, вот на этот мост хадили, маладых становили на барану. Естики мужаки ихние, маладыя выручали их — какой выручить, а какой — не выручить. Кидаютъ арехи или подсолнухи» (Зап. в с. Волосово-Дудино, Ульяновский р-н. 2009 г.) [НЦНМ. Т. 2065. С. 107—108, 2]; «Сажали зитьей мғлады, на бырану сажали. За это неси бутылку. Теца завёт зитей в гости. Типерича тута собираюца мужуки какие пьжальцы, ну какыя там два-три года жинатыи. Этага зятя хватают, пиривертывают барану кригами вверх, сажаютъ иво на бырану: “Давай бутылку!” Теца идетъ выручать. Нисить бутылку. Штоб зятя быраной ни прыпароли» (Зап. в Людиновском р-не. 2002 г.) [НЦНМ. Т. 1935. С. 84—85, 34].

В ряде мест существовал обычай обхода дворов¹¹, где гостили молодожены, с пением специальных обходных или собственно обрядовых масленичных песен: «“Молодая-золотая, / Давай орехов, / А не дашь орехов, / То за вихор”. Эту песню маленькие дети пели молодоженам на Масленицу, после чего те одаривали их» (Зап. в с. Букрино, Малоярославецкий р-н. 1981 г.) [АКФ. Т. 6. № 260]; «А потом в субботу ходили молодых обкатывать, поют эту песню (“Ой, да вот масленая на двор въезжает”), а молодые выходят, посмеются и дают денег, а в воскресенье они ходят и прощаются с родными, кланяются им в ноги и целуются» (Зап. в с. Корекозеве, Калужский р-н. 1964 г.) [АКФ 1964. Т. 3. № 51].

Катание молодых с гор и на лошадях

Молодожены были непременно участниками и другого масленичного ритуала — катания с гор и на лошадях, который был формой не только магического воздействия на природные силы

¹¹ Ср. с обрядами, посвященными молодым, записанными М. Е. Шереметевой в Калужском крае: [Шереметева 1936, 105].

(«На конях, бывало, катались — скажут, на долгий лен, чтоб высокий рос» (Зап. в д. Дегирево, Куйбышевский р-н. 1983 г., зима) [АКФ. Т. 5. № 48]; «Запрягали лошадей и кататься ехали — “на долгий лен” называли. Чтобы лен большой вырос» (Зап. в д. Веселая (Высокая), Куйбышевский р-н. 1983 г., зима) [АКФ. Т. 1. № 153]), но и чествования и испытания молодых.

На горе, где на гуляния собиралась вся сельская община, устраивались смотры молодых пар. Именно они «открывали» гору: «Сначала катаются первогодки (женившиеся осенью), потом остальная молодежь» (Зап. в с. Жерелево, Куйбышевский р-н. 1979 г.) [АКФ. Т. 3. № 131]; «Пару быков загоняют. И вот мы, детвора, берем и на горку ее втаскиваем, эти сани. А там молодожены посадятся, своих жен посадют, а мы, малышня, падцепляемся кое-как, и вниз пошли с горы. А на гору опять, жен своих заберут, пошли. А мы, детвора, тащим эти сани» (Зап. в с. Световка, Барятинский р-н) [НЦНМ]. Нередко участие молодых в катаниях с гор было принудительным, поскольку предполагало откровенно эротические действия: «Молодых, не хотят, на сани повалят, крутят, катают» (Зап. в с. Троицкое, Куйбышевский р-н. 1986 г., зима) [АКФ. Т. 4. № 20, 22]; «Ой, как в старину катались! Только молодые. Сани привезут на гору и спускают. И вот как везут, молодых ловят и на сани валят» (Зап. в с. Троицкое, Куйбышевский р-н. 1986 г., зима) [АКФ. Т. 6. № 61, 62]; «Бывало, молодуху повалят на сани, мнут» (Зап. в д. Починок, Куйбышевский р-н. 1979 г.) [АКФ. Т. 1. № 4]; «<Соб.: А на чем катались?> На малодках <...> На малодке, малодак тады многа ш была. Выходют и сядяца на их» (Зап. в д. Нехочи, Хвастовичский р-н. 2008 г.) [НЦНМ. Т. 2052]. Молодухам, не выходящим на гору, пели корильные песни (например, «У нашего Мишки жена, как ласица» (Зап. в с. Троицкое, Куйбышевский р-н. 2003 г.) [НЦНМ. Т. 1948. С. 56—57, 28]).

Катание на лошадях также было демонстрацией и чествованием новобрачных пар: «А праздновали Масленицу. Молодые ездили в гости к теще. Вот свадьба побудет, женится, зовут их у гости,

молодых. Там празднуют. Катаются на конях. Лошади когда запрягали, и катались по улицам. Песни пели усякие» (Зап. в д. Осиновка, Куйбышевский р-н. 1988 г., зима) [АКФ. Т. 1. № 108]. Примечательно, что коней и кошовки на Масленицу украшали так же, как на свадьбу¹²: «Лошадей убирают, как на свадьбу: бубны под хомутом, косы в гриве и хвосте, рушниками обертывают дуги» (Зап. в д. Вязьма, Сухиничский р-н. 1976 г.) [АКФ. Т. 3. № 19]; «Господи Боже мой, дугу врядють — как на свадьбе! <Соб.: А как на свадьбе?> А рушником да подшалник на дугу и едут. Сядуть — полные сани. И с песнями. Лошадь будет так итить — как пляшет. А тут вязной будеть — палатуза. И с гармошкаю, и с песнями» (Зап. в д. Зимницы, Куйбышевский р-н. 2004 г.) [НЦНМ. Т. 1972. С. 28—30].

Масленицей заканчивался после-свадебный период для женатой молодежи и начинался предсвадебный этап для младшей — холостой — группы. Совместные гуляния и катания на Масленицу неженатых парней и незамужних девушек, так же как и святочные игрища, были формой налаживания предбрачных отношений: «Собирались отдельно девки с парнями, отдельно кто постарше. Парень сажает девку, которую любить, и катается» (Зап. в д. Линевка, Куйбышевский р-н. 1987 г.) [АКФ. Т. 26. № 98]; «А на Масленицу молодые ходили катался с гор. На большие сани девчат посадят, катают, потом у снег повалюют. Вот что на масленую делали» (Зап. в с. Закрутое, Куйбышевский р-н. 2006 г.) [АКФ. Т. 1. № 483].

Как рубежный период в годовом свадебном цикле Масленица была отмечена и гаданиями холостой молодежи на будущий брак: «На Масленицу <...> ходили по домам, спрашивали: “Суженый-ряженный, скажи, какой мой жених?”» (Зап. в д. Бронцы, Ферзиковский р-н. 1978 г.) [АКФ. Т. 2. № 65]; «На

¹² Ср. с описанием свадебного поезда в Куйбышевском р-не Калужской обл.: «Зимой на санях, летом на тележке украшенной. Дуги обмотаны красными лентами, на дугах — звонки, колокольцы звонкие, лошадей окутывали красными “гурецкими шальями”» [Кулагина, Иванов 2000, 82].

Масленицу украдут у кого-нибудь борону, притащат в поле, отломают зубья и кидают через плечо. Куда зуб острым концом упадет, там и суженый живет» (Зап. в д. Натальинка, Юхновский р-н. 1973 г.) [АКФ. Т. 23. № 8].

Корение неженатых

В то же время молодежь, достигшая половой зрелости, но не вступившая в брак, в конце праздника подвергалась осмеянию в форме ритуала привешивания колодки и/или исполнения песен корильного содержания: «Упоймают неженатого, полено привяжут, бабы ловят: “Давай бутылку, или денег, или еще что!” Прибаутки разные кричат:

*Ай, маслена, белая мочка,
Кто замуж не вышла —
Сукина дочка.
Ай, маслена, полизуха,
Поели сыр и масло —
Стало сухо.*

Мужикам чурки привязывали, чтобы платили» (Зап. в д. Кувшиново, Юхновский р-н. 1973 г.) [АКФ. Т. 22. № 206—208].

Большая часть корильных формул в собственно обрядовых масленичных песнях адресована незамужним девушкам, которые остались «до налетия» (т. е. до следующего года) или «вековухами» (старыми девами): «Масленья, уплятухи, / Ой, уплятухи, люли, уплятухи, / Астались девки наши викавухи, / Ой, викавухи, люли, викавухи» (Зап. от Ю. С. Муравьевой, 1940 г. р., д. Грибовка, Куйбышевский р-н. Соб. Т. В. Соболева. 2013 г.) [ЛАС]; «Ой, масленая гололетья, / Ой, гололетья, люли, гололетья, / Остались девки да на летья, / Да на летья, люли, да на летья» (Зап. в с. Бутчино, Куйбышевский р-н. 1984 г., зима) [АКФ. Т. 1. № 140]. Парней ругали посредством другой формулы — «Ой, маслена, белый сыр, / Чего ж не женился, сукин сын» (Зап. в д. Проходы, Куйбышевский р-н. 1977 г.) [АКФ. Т. 13. № 54]. В насмешку их сравнивали с не в пору «расходившимся» стариком:

*Масленую прокатали,
Мясоед пришел — не напряли.
Ах, ты, старый старичище,
Мясоед пришел — не женился,
А пост подошел — износился,
С кошками спать ложился.*

*Его кошки невзлюбили,
С кроватишки свалили,
Ручку с ножкой обломали,
Стали бабушек водити,
Ручку с ноженькой лечити*

(Зап. в с. Троицкое, Куйбышевский р-н. 1986 г., зима) [АКФ. Т. 8. № 11].

Во время масленичной недели корильные песни исполнялись представителям и других социально неполноценных групп сельского сообщества — бездетным женщинам и старикам («*Тут всем что-нибудь споят. Так интересно было. И девкам споят обидное, и старикку, и старухам*» (Зап. в Куйбышевском р-не. 1987 г., зима) [АКФ. Т. 3. № 12]), поскольку, в отличие от семейных людей, их существование расценивалось как «бесполезное» с точки зрения продолжения рода.

Итак, Масленица в Калужском крае, будучи обрядовым комплексом, приуроченным к смене календарных сезонов, маркировала также и завершение свадебного годового цикла и была насыщена обрядами, посвященными молодоженам. Последние формировались с опорой на календарные (главным образом зимние и весенние) и свадебные (последвенчалные) ритуальные практики и носили характер испытания и признания новобрачных как новых членов взрослой части сельской общины.

Свадебные ритуалы (гощение зятя у тещи, обсыпание молодых деньгами, катание на лошадях и др.), став неотъемлемой частью Масленицы, нередко инициировали переосмысление содержания и функциональности ряда традиционных масленичных предметов и символов (например, чучело Масленицы и ее песенный образ стали отождествляться не с силой земли/поля, а с образом молодухи; блины, изначально приуроченные в Масленице к поминальным ритуалам, стали основным угощением молодоженов).

Семейно-брачная тематика, разнообразно представленная на уровне различных невербальных кодов Масленицы, оказала значительное влияние на обрядовый репертуар, определив состав мотивов в собственно масленичных песнях, а также круг приуроченных к обряду лирических песен (так, в собственно масленичных песнях появились

формулы корения незамужних девушек и неженатых парней, шуточно-эротических отношений тещи и зятя).

Литература

Агапкина 1996 — *Агапкина Т. А.* Концепт движения в обрядовой мифологии славян // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 213—250.

Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Байбурин, Левинтон 1990 — *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* Похороны и свадьбы // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 64—99.

Бачинская 2007 — *Бачинская Н. М.* Отчет о поездке в Калужскую область (1951 года) // Из архива Кабинета народной музыки Московской консерватории (К 140-летию Московской консерватории). М., 2007.

Бернштам 1988 — *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни общины XIX — начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

Геннеп 1999 — *Геннеп А., ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 1999.

Гура 2012 — *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.

Добровольский 1898 — *Добровольский В. Н.* Образцы говора, Жиздринского уезда, Калужской губ. // Живая старина. 1898. Вып. 3—4. С. 387—392.

Добровольский 1902 — *Добровольский В. Н.* Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской области // Живая старина. 1902. Вып. 2. С. 207—213.

Добровольский 1902а — *Добровольский В. Н.* Свадебный обряд в Калужской губ. Село Сильковичи, Мосальского уезда // Живая старина. 1902. Вып. 2. С. 214—236.

Добровольский 1903 — Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. СПб., 1903. Ч. 4.

Круглов 1977 — *Круглов Ю. Г.* Календарные обряды и обрядовая поэзия в Калужской области // Советская этнография. 1977. № 4. С. 96—104.

Кулагина, Иванов 2000 — *Кулагина А. В., Иванов А. Н.* Русская свадьба: в 2 т. Т. 1. М., 2000.

Ляметри 1855 — *Ляметри П.* Крестьянская свадьба в Мещовском уезде // Калужские губернские ведомости. 1855. № 47, 48, 50.

Максимов 1994 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.

Пашина 1998 — Пашина О. А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998.

СМЭС 2003 — Смоленский музыкально-этнографический сборник: Календарные обряды и песни. Т. 1. М., 2003.

Соколова 1975 — Соколова В. К. Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор. М., 1975. С. 48—71.

Соколова 1979 — Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

Токмакова 2001 — Токмакова О. С. Заключительные обряды свадьбы южных районов Курской области // Живая старина. 2001. № 2. С. 5—8.

Толстая 1985 — Толстая С. М. Похороны как вторичная ритуальная форма // Балто-славянские этнокультурные и архаические древности: Погребальный обряд / Тезисы докл. М., 1985. С. 79—81.

ФКГ 1997 — Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях конца XIX — начала XX в. Вып. 1. Народные обряды и поэзия / сост. Н. М. Ведерникова // Русская традиционная культура. М., 1997. Вып. 4—5.

Шейн 1900 — Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900.

Шереметева 1928 — Шереметева М. Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928.

Шереметева 1936 — Шереметева М. Е. Масляница в Калужском крае // Советская этнография. 1936. № 2. С. 101—121.

Юдин 1989 — Юдин Ю. И. Обычай и песня: (Русские народные лирические песни о молодой жене, стремящейся побывать в родительском доме) // Поэзия и обряд. М., 1989. С. 19—36.

Сокращения

АКФ — Архив кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова.

НЦНМ — Архив Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки МГК им. П. И. Чайковского.

ЛАС — Личный архив Т. В. Соболевой.

Summary. *The article focuses on matrimonial motives in traditional Maslenitsa celebration of Kaluga region. Maslenitsa rituals associated with newly married couples are considered as the final stage of marriage. Therefore semantics and functions of elements of marriage rituals as part of Maslenitsa ritual complex are analyzed and their role in Maslenitsa song repertory development is explored*

Key words: *Maslenitsa, marriage rituals, “otvody”, ritual repertory.*

УДК 7.81

ББК 85.315.3

Е. В. ХАЗДАН
(Санкт-Петербург)

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ (на материале восточноевропейских евреев и окружающих народов)

Аннотация. *Инструментальная музыка — неотъемлемый элемент свадебного обряда многих народов Восточной Европы — как правило, не принимается во внимание исследователями, занимающимися в первую очередь песенной традицией. Напротив, в работах, посвященных ашкеназской культуре, инструментальная музыка является предметом пристального изучения, тогда как сам ритуал практически не затрагивается.*

Мы видим парадоксальную ситуацию: независимо от степени изученности собственно музыкального материала, ни в том, ни в другом случае инструментальная музыка не рассматривается как один из постоянных, обязательных элементов действия.

Это связано с репертуаром свадебных музыкантов и отношением к нему исследователей, с восприятием инструментальной музыки как некоего элемента увеселения вообще, имеющего сугубо прикладной характер, а также со статусом народного музыканта.

Ключевые слова: *свадебный обряд, инструментальная музыка, клезмерская музыка, народный музыкант, клезмер, еврейский музыкальный фольклор, ашкеназская музыкальная культура*

Инструментальная музыка свадебных обрядов народов Восточной Европы чрезвычайно редко оказывалась объектом исследования. Мы можем назвать лишь единичные случаи, когда внимание ученых было привлечено личностью музыканта-исполнителя и его игрой¹, в основном же все свя-

¹ См. уникальные в этом отношении монографии С. Захариевой [Захариева 1987] и А. В. Ромодина [Ромодин 2009а]. Интерес-